

Ольга Белова
(Москва)

Контакты и конфликты в устных нарративах и текстах фольклора*

Данная статья продолжает разработку комплекса проблем, уже затронутых в нашей работе, посвященной применению понятий нормы и аномалии к явлениям народной культуры (в связи с семантической оппозицией «свой – чужой» в приложении к механизмам этнокультурного соседства) [Белова 2016].

Поскольку практически вся культура повседневности складывается из контактов и конфликтов, при анализе конкретных практик и ритуалов неизбежно возникают вопросы: что считать нормой соседства, а что аномалией? на сотрудничестве или на соперничестве базируется сосуществование в рамках поликультурного и полиэтнического социума? контактность или конфликтность доминирует в этноконфессиональном диалоге?

Некоторые формы выражения явной и потенциальной конфликтности в поликультурном пространстве уже рассматривались нами на примерах нарративов из г. Глубокое [Белова 2017, 191–196]. Отдельное исследование мы посвятили модификациям мотива «кровавого навета» (который может считаться своего рода эталоном конфликтности в этноконфессиональном диалоге христиан и иудеев) в современных устных нарративах [Белова, в печати]. Особое внимание в последнее время исследователи уделяют специфике употребления слов *жид* и *еврей* в узусе обиходного общения, фиксируя различные механизмы приобретения словом *жид* пейоративного

* Статья написана в рамках проекта «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» (РНФ, 15-18-00143).

значения [см., например: Белова 2017, 191; Гехт, Погодина 2017, 33–34].

Цель данной публикации – рассмотреть контакты и конфликты, зашифрованные или отраженные в фольклорных текстах и устных нарративах, и определить характер ситуаций, в которых чаще всего проявляется та или иная тенденция этнокультурных взаимоотношений.

Еще раз о «наступательной» модели

Для описания форм контактов и конфликтов, присущих полиэтничной среде, необходимо иметь в виду особый способ коммуникации, который мы ранее определили как «наступательную» стратегию в отношении этнически или конфессионально «чужих» и который становится особо значимым в ситуации обряда и ритуала; подобная стратегия воплощается в особом жанре наветных текстов [см. Белова 2004; Белова 2007a].

В рамках этнокультурного диалога «наступательная» модель может реализовываться не только в агрессивных действиях и наветных текстах, но и в рассказах, отражающих личный опыт и представления о враждебности «чужой» традиции, в частности об аномальности «чужих» праздников и обрядов¹.

Примером может послужить текст, записанный в Тверской области: рассказчица передает свидетельство очевидицы (работницы в еврейском доме), которая с печки наблюдала «еврейский праздник» (евреи кололи «вилками» восковое изображение Христа, прибитое к стене, а потом задушили периной старую бабушку).

Явреи не признают Христа <...> На Пасху, на Христовый день, взяли сделали такого рябёночка, фасон Христов. Взяли к стенке прибили, вон руку, другую и ножки. Собрались вся эта порода яврейска, а бабка старенькая, сто лет ей было, лежала на кровати, совсем плохо, не умира-

¹ Об опасности «чужих» праздников и о сопровождающих их «неправильных» и даже кошунственных ритуалах подробнее см., например: Белова 2004; Белова, Петрухин 2008, 254–258, 361–369; Белова 2017, 196–205; Амосова 2016. О еврейском похоронном обряде, якобы предполагающем удушение умирающего, подробнее см.: Белова 2005, 187–188.

еть, а жить – страдает только. Ну, собралась эта порода, как бы так на бабу на похороны. Вот я, грит, лежу на печке, смотрю – в другой половине этот Христос прибит к стенке. И у каждого, грит, в горсти взяты такие вилки. Грит, что-то бормочут: быр-быр-быр, сюда толкушки привязаны какие-то деревянные на ремешке, у каждого. И, говорит, бормочуть, она не понимала по-их. И, говорит, торк! его [кололи вилками]. И, говорит, до утра, с полночи до утра вот так доторкают всё, весь как тёрка дырявый. И вот теперь подошли к этой бабке, взяли перину, накинули, что-то пробормотали, а баба ногами немножко посучила. Я, грит, смотрю, всё уж [нрзб.].

Утром встали, на меня, грит, Дарья, топи печку. Я, грит, встала, как работница, печку затопила, приносить, грит, в полотенце завернут – с воска этот Христос был сделанный. Завернутый – кинь, когда печка растопилась. И сгорел. Грит, мне так жутко было.

Вот пошли мы половики стирать на ряку, на ручей с этой, с хозяйской. Я, грит, грю: «Скажи, пожалуйста, что это у вас такое?» – «А это у нас такая вера. Дарья, – грит, – не говори никому». – «А чего ж бабушка такая... бабушки не жалко?» – «А зачем ей страдать?» (А.И. Тикель, 1911 г.р., Тверская обл., Андреапольский р-н, д. Серезино, 1997 [Архив АГ, <http://folk.polarstarspb.ru/node/2684/interview>]).

На другом конце оценочной шкалы располагаются рассказы о том, как праздники в поликонфессиональной среде становились «общим достоянием» и служили примером добрососедских контактов², несмотря на наличие знания об «опасных» праздниках соседей.

Мы ожидали еврейскую Пасху. Они нашу Пасху ожидали, а мы йих Пасху ожидали, когда детьми. Всегда йих Пасха была почти что на неделю раньше. Они пекли мацу, такие раскатывали тесто тонким-тонким слоем и выпекали в печи. Но тесто это было только мука и вода. <...> Некоторые даже говорили, что рзали пальцы и кроу туда добавляли. <...> Маца была беленькая, вкусная, хрустящая. Как сейчас я бы сказала, она была безвкусная, но тогда это все... очень вкусная. А они ожидали наших булок... и яички. И еврейские мальчишки и катали эти яйца красные, и выигрывали. В общем, отмечали две Пасхи... [Об игре с пасхальными яйцами:] Был такой... называется лобок, деревянное вот такое... лобок. И вот так вот катилось яйцо, и куда оно покатится, а там лежали уже яички скатанные. Вот если это скатанное яйцо касалось чье-го-то яичка, значит, ты выигрываешь и это яйцо забираешь. Следующий

² См. об этом подробнее: Добровольская 2004; Львов 2008.

раз катишь. А если прокатится мимо, значит, всё, яйцо остаётся там. [Кровь еврея должна быть или христианина?] Люди так говорили, вот особенно верующие православные. Вот моя мама, например, была очень верующая, но она неграмотная. Они ничего не знала ни про Бога, но верила. Так мама, например, моя говорила: «Что ты мацу ешь... ядите? Нельзя! Там кроё человеческая!» Мама не знала этого, это она от кого-то слышала. А мы ей не верили (Л.П. Комзикова, 1923 г.р., Витебская обл., пгт Бешенковичи, 2016 г., зап. А. Синило, Е. Стрельцова).

Пасху всегда праздновали. [Песах?] Песах, да-а-а. Мы всегда, это никто не знал... бабушка, вот как они мацу пекли. Две бабушки. В Бешенковичах у меня и мама, и папа, ну, они родом из Бешенковичей, и две бабушки, две сватьи, жили в Бешенковичах. <...> У неё [у бабушки, которая жила в собственном доме] была печка. Ну всё, Пасха. Они спрашивали у Анчина – Анчин какой-то, что он был, я не знаю..., может, он и считался тогда равинем? Анчин был. <...> И вот они у него спрашивали, они знали, когда это будет, значит, Пасха. Но вот почему-то тогда, вот я помню в то время, это всё время было в субботу, теперь я понимаю, что она ж не всегда в субботу начинается. <...> Ну а тогда всегда в субботу. Значит, Анчин говорил, в какую субботу. Маца тогда не продавалась такая, они пекли мацу. Они вдвоём всегда собирались: всё, будем печь мацу! На сковородке. Замешивали это тесто, потом они раскатывали, называли... бабушка говорила «рэдл» – там такая была палочка с... от часов, от больших часов вот эта штучка приделывали, и так вот рисовала такие вот дырочки. Всё, вот на сковороду. «Ах, – прихожу, – горе какое, подгорели!» Это ж надо было в печку, ставили сковородку круглую. <...> И яйца всегда красили. А на неделю позже была православная Пасха. И мама всегда красила яйца, и мы шли на улицу тоже с яйцами. Она всегда говорила: «Нет, это неважно, что Пасха [еврейская] ещё продолжается, и я тоже могу покрасить яйца. И мы всегда, когда были маленькие, или ко мне кто-то приходил, а у меня тоже лежали красные яйца. Это уж когда православная Пасха наступала! И мама всегда – у неё ж там подруги, соседки – приходили угощали, яйцами там, могли пасхой угощать (А.И. Ялова, 1956 г.р., Витебская обл., пгт Бешенковичи, 2016 г., зап. А. Климович, Е. Стрельцова).

Вернемся, однако, к рассмотрению специфики свидетельств, которые рассказчики зачастую затрудняются прокомментировать (поскольку для них такая информация представляет собой характер некоего «общего знания», не нуждающегося в верификации или интерпретации). Подобные тексты-высказывания в ряде случаев со-

храняют представления, характерные для крестьянской среды XIX – начала XX в.

В 1999 г. в Псковской области был записан такой текст:

Иисус Христос родился на небесах, так его казнили, его казнил Иуда и там это всё. Почему нам вот говорят, евреи... нам встречаться с евреями, так Спаситель говорит: «Или ворачивайся взад, или ложись вниз лицом». Евреи никогда не были... это непростительный грех с евреем, супружескую жизнь с евреем заводить русскому – это непростительный грех. Потому что еврей загубил нашего Спасителя (А.И. Кузьмина, 1927 г.р., Псковская обл., Локнянский р-н, д. Жарки, 1999 [Архив АГ, <http://folk.polarstarspb.ru/node/2038/interview>]).

Данное свидетельство об особом поведении человека, оказавшегося в ситуации встречи с иноверцем, органично вписывается в систему предписаний, диктуемую народной традицией³. Но запрет, транслируемый от лица самого Спасителя, требует расшифровки: почему при встрече с евреем предписано ложиться «вниз лицом»?

Приведем сначала запись, сделанную в Ленинградской области в 1998 г. Речь идет о периоде от Пасхи до Вознесения, когда, согласно народным верованиям, Христос ходит по земле:

Вот он [Христос] шесть недель буде... [Каждый год ходит?] А эти, евреи, кто его распинал-то? Как его звали-то? Забыла... Оны вниз лицом падают, а он воскрес-то. [Кто вниз лицом падает?] Которы распинали-то Иисуса-то Христа! Евреи. Вот оны вниз лицом падают. Шесть недель нельзя Богу молиться, в землю [поклоны] класть. Они шесть недель павши (Л.Т. Петрова, 1909 г.р., Ленинградская обл., Тихвинский р-н, д. Исаково, 1998 [Архив АГ, <http://folk.polarstarspb.ru/node/4899/interview>]).

Мотив падения вниз лицом может быть навеян как евангельским текстом⁴, так и иконографией Воскресения Христова (фигуры лежащих (спящих) у гроба воинов).

³ Подробнее о символике встречи с «чужими», о запретах и предписаниях, продиктованных ситуацией встречи, см.: Белова 2006.

⁴ Ср.: «...вид его был как молния, и одежда его бела как снег. Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали как мертвые» (Мф 28:4); «И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, – сказали им: что вы ищите живого между мертвыми?» (Лк 24:5).

Аналогичный мотив, также связанный с праздником Вознесения, находим среди материалов конца XIX в. из Владимирской губернии, поступивших в архив Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. В легенде о том, откуда пошел обычай красить яйца к Пасхе и о чудесах, явленных в день Воскресения Христа (красное яйцо, данное Христом служанке, которую евреи послали за водой; ожившая жареная рыба и «оперившийся» и запевший жареный петух), особо подчеркивается: «Жида испугались, со страха попадали и лежали шесть недель. Вот почему и не кланяются в землю до Вознесенья...» [НБ, 522–523].

Очевидно, что современная запись из Ленинградской области фиксирует то же поверье (но без легендарного контекста), а свидетельство из Псковской области является, скорее всего, его трансформированной (инвертированной) версией, помещенной к тому же в совершенно иной контекст (запрет на брачные отношения русских с евреями).

В контексте повседневности

Точно так же между добрососедством и конфликтом балансировали бытовые отношения. Традиционными для фольклора бывших местечек являются рассказы о соседской взаимовыручке и взаимопомощи, как, например, в истории из окрестностей Красичина (юго-восточная Польша): память рассказчицы сохранила такую деталь, как регулярно даримая евреями одежда, благодаря которой польская семья (мать и дети) всегда выглядели нарядами.

*Żydzi jak zwykle. Oni tak troszke do handlu zawsze byli. Byli, żeby coś, tak, gdzieś. Cokolwiek. W Krasieczynie były, coś tam ze trzy rodziny, też żydowskie. <...> O tam, handel! to tak po rusku oni umieli: *Za trzy kupił, za dwa sprzedał, żeby handel stojał. Za trzy kupił, za dwa sprzedał. I żeby tylko handel był.* Znaczy wiele z tego nie miał, ale coś tam z tego. <...>.*

A ja zaraz wam powiem. Moja mama miała znajomo tak Żydów. Ja tego nie pamiętam, bo pewnie byłam za mała, kto tak wie, czy to Żydówka, ja nie pytałam <...>, ali miała takie. Ale to byli panowie. I chce wam powiedzieć, że dużo dla nas, dla dzieci dawali. Takie kupowali, nie tam, że z siebie. Tyko. Jest i mamie, i z siebie. Że Żydówka i takie piękne sukienki, ale to były takie jakby polskie Żydzi. Znaczy. Ale byli Żydzi. Tak. To tak przychodzili do nas,

tak się ładnie ubierali, takie... i mama miała zawsze ładnie ubrana i nikt nie wiedział, skąd. Tak. I mama moja to tak sie ubierała ładnie. Tak my do kościoła przyszedli to mama tak zawsze ładne sukienki, to to wszystko kosztowało. Ale, ale ta Żydówka dawała ze siebie, tak... i bardzo lubiła tak [niewyraźnie], do mamy, do tata. Z tatem. Tato z mamą tam do nich przychodzili. Ale tak, to z tego co słyszałam, znaczy, że byli... Też pościel czy coś, tak jak to nieraz wietrzyło się, to jak mama wyniosła pościel wywietrzyć, czy co to takie ładne, to były różne takie te te poszewki te (Stanisława Majchrowicz, 1930 r.p., Śliwnica, gm. Krasiczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1678])⁵.

Вспоминают также о гостеприимстве евреев, сравнивая их с поляками (не в пользу последних):

Tato jeździł też z teściem, z moim dziadkiem i z wujkami, jeździli na ryby, bo mieli tu wykupione część Sanu, bo to takie rewiry jakieś były. Księżę wydzierzał od państwa, a rybacy musieli wydzierzać część tego Sanu od księcia, no i jeździli na te ryby i sprzedawali w Przemyślu <...> takie na dużej szali, tu gdzieś od Chołowic do Przemyśla zdaje się oni mieli ten rewir. No i mówi, że w Wapowcach jak przyjechali o pierwszej w nocy, poszli do Żyda, zastukali, że rybacy, Żyd mówił, wstawał, gotował tam i przygotowywał jedzenie i także mówił, że Polak by na pewno, nie chciał wstać o pierwszej w nocy, żeby ich obsłużyć. Także ja od tata nie słyszałam nigdy, żeby tam jakieś to były, że to tylko byli wyzyskiwacze, że tylko czekali na to, żeby tam od kogoś coś zabrać, także ja takich rzeczy nie słyszałam (Elżbieta Gołębiowska, 1938 r.p., Krasiczyn, gm. Krasiczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1664]).

Дружба с евреем становится мотивом бытовых сказок, как, например, в украинской сказке «Горшок з грішми»⁶, записанной в Покутьє. Украинец и жид Мошко – друзья. Мошко помогает устыдить сыновей украинца, которого выгоняют из дома его дети: он дает другу горшок монет напоказ, сыны принимают отца обратно жить,

⁵ Благодарю С. Небжеговску-Бартминьску (Университет им. Марии Кюри-Склодовской) за предоставленную возможность ознакомиться с материалами архива.

⁶ Вариант сюжета СУС 982 *Камни в сундуке*: взрослые дети плохо обходятся с отцом-стариком, не дают ему есть; по совету друга (по собственной смекалке) он наполняет свой сундук камнями и каждый день их пересчитывает, будто деньги; дети начинают тогда почитать его, хорошо кормить; после смерти старика в сундуке находят только камни, см.: СУС, 251. Ср. также сюжет ATU 982 *The Pretendent Inheritance* [ATU, part 1, 613–614].

а Мошко подменяет горшок с деньгами горшком с мусором (олифой, дегтем, бумагой) (Торговица, Городенковский р-н, Ивано-Франковская обл., 1987 г. [УНК 13, 364–365]).

В то же время практика соседства, допускающая помощь евреям по хозяйству в субботу, предполагала ряд неписаных правил, например запрет на вкушение пищи в домах соседей-иноверцев (по воспоминаниям детства одной информантки, нельзя было есть мацу в еврейском доме; евреям же запрещалось есть хлеб в домах у поляков).

No, to, że Hancia, Mancia. No, to pewno Maria, Ha... Anna, no, to tylko tak wołali Hancia, Mancia, ta Estera, Mojsiu i tutaj była też Synagoga, to tutaj była. Bużnica, Bużnica. To tam opowiadali, jak tam mama często opowiadała... W soboty nie wolno było tam ognia zapalić czy coś, to tak wułali już tych sąsiadów i no tam im podpalali. Znowu, im nie wolno było, w któryś tam dzień coś tam jeść. Mama, Esterka, to zjedz sobie kto... A ja: Tato by mnie zbił. Tak tato będzie wiedział, ja zjadłam jej mace, ona zjadła mego chleba, bo nie wolno tego było, no to, no to jak dzieci, no to <...> także tutaj z Żydami dobrze żyli, nie było między Żydami, a Polakami (Pani Iwanicka, 1943 г.р., Krasieczyn, gm. Krasieczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1665]).

Однако в экстремальных ситуациях строгость по отношению к продуктам «чужой» традиции отступала перед рациональным решением.

[Семья Ирины – дед, бабушка, малолетний отец после войны была сослана в Сибирь и в Алтайский край.] В 49-м году после войны здесь были массовые репрессии и массовые ссылки тех, кого недочистили – кулаки, хозяева мелкие. Поскольку у прадеда была мелкая сапожная мастерская и при ней лавочка, и он был ужасный эксплуататор, у него было там, наверно, два батрака, то его сына, то есть моего дедушку с бабушкой и с их двумя детьми – с моим отцом и дядей – сослали куда-то там в Сибирь, сначала в Чистополе, потом в Копейске, я даже не помню точно где что как называлось. Папе было полтора года, и, как я понимаю, в первую же зиму он подхватил какую-то тяжелую болячку, то ли scarlatinu, то ли корь...

У него была дикая температура, условий, конечно, никаких не было, в общем – он был совсем плох, бредил, нашли какого-то врача, тоже из ссыльных, старого еврейского врача, который пришел, посмотрел на ре-

бенка, сказал – сделать ничего нельзя, молитесь, прощайтесь, вот единственное, если бы можно было бы попытаться спровоцировать кризис, а для этого хорошо бы немножко красного вина! Где в Сибири можно взять красное вино? Дедушка собрал какие-то вещички, что-то на обмен, что у них было с собой, я не знаю – может, какое-то колечко, или одежду, или что-то такое. Пошел в село, причем пошел, как я понимаю, незаконно – ушел из-под конвоя. Нашел в селе церковь, нашел попа, как-то у него вымолил, выпросил, выменял немножечко кагора, церковного вина, принес обратно.

Ребенок совсем плох, на раздражители не реагирует, бредит. Ему наливают в ложечку вина, подносят к роту, он глотает это вино, открывает глазки и говорит: «Исцѣ!» В общем, это церковное вино маленького еврейского мальчика спасло (И.Э. Шихова, 1974 г.р., Кишинев, 2010 г., зап. О. Белова)⁷.

Чрезвычайно популярный сюжет в нарративах о соседстве с евреями – это сюжет о том, что евреи всегда безотказно давали товары и деньги в долг, но требовали соблюдения договора: нарушитель лишался права на дальнейшие «кредиты». В рассказе из окрестностей Красичина этот сюжет представлен в анекдотичной форме: еврей требует отдать ему долг, выкликая должника через реку Сан (они оказались на разных берегах реки и по разные стороны государственной границы)⁸. Вторым пуантом этой истории является указание на то, что переспорить еврея в суде было невозможно, поскольку «судья был тоже евреем».

Tego nie wiem, jakoś no tak, że słyszałam, że niektórzy, tłumacze takich mało wypadków było, że tam [niewyraźnie]. Że na przykład była wojna i Żyd był w na tamtej stronie w Ostrowie a tu czy tam w Przemyślu na Zasaniu, a tu z tej strony był ten, ten, ten, który Żyd krzyczał z tamtyj strony, że Jaśku

⁷ Мотив спасения при посредстве сакральных атрибутов «чужой» традиции не так уж редок в семейных нарративах. Ср.: «У меня была католическая няня. Очень преданная мне. Как я узнала позже, до войны она работала у моей бабушки по отцу. Вся семья погибла, а отец мой выжил, но в 45 году загремел в сталинские лагеря, и я была единственной той ниточкой, которая связывала меня с семьёй отца. Мне нет и годика, когда я заболела корью. На пике болезни, с высокой температурой, она завернула меня в одеяло и отнесла в костёл, чтобы меня крестили. Не знаю, что там происходило, но «свентой водой» меня побрызгали. А ночью был переломный момент, и я пошла на поправку. История осталась в семье» (<https://www.facebook.com/EvaLevit.now?fref=ts>, комментарий Р. Левит).

⁸ С сентября 1939 г. Сан являлся пограничной рекой между СССР и Германией.

oddaj mi pieniendzy, Jaśku oddaj mi pieniendzy, no bo Żydzi y tak na kredyt też dawali ludziom towar czy... Także naraz... Przeważnie w knajpach [niewyraźnie] to niektórzy, taki pijak nie mo piniendzy, a chciał sie napić, no ten z chęcią, se zapisywał tak no i potem ten jakoś tam wyrównał to. [niewyraźnie] No też tak opowiadali, że, na przykład, y że y jak ktoś chciał skłamać, że jest na przykład tam czy wziął na kredyt, czy jakiś pożyczył piniędzy, potem sie wypierol, że nie, że nie wzioł, to [niewyraźnie] ten, to w sądzie nie wygroł ten, tylko wygroł zawsze Żyd, ponieważ miał, bo Żyd był drugi sędzią. I mówili, że nihdy nie wygrał, chociaż y chciał skłamać, to się nie dało, bo nikt nikt go nie poparł tego, co był winien. <...> No. Jakoś, to nie wiem jak to, jak to było, że, że... że tam był zadłużony któśtam, nie? I próbował nie zapłacić, to i tak musiol zapłacić. Zawsze mówili, taki był przypowieść, taka była [niewyraźnie], że «Pańskie i żydowskie nigdy nie przepadnie», że to zawsze wyjdzie kiedyś, pańskie też (Bronisława Fedasz, 1931 r.p., Dybawka Dolna, gm. Krasieczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1669]).

Таким образом, даже в рассказах, рисующих добрососедские отношения неевреев с евреями, часто звучат явные указания или скрытые намеки на «неправильность» уклада жизни соседей, который не соответствует привычной, «своей», традиции. Подчеркивается, что евреи жили «за счет гоев» (которым часто недоплачивали) и не работали, не уважали христианских праздников, например в день христианской Пасхи забивали скот (при этом рассказ изобилует колоритными деталями: празднование евреями субботы от захода солнца в пятницу до вечера субботы; запрет на зажигание огня и обращение к помощи «гоев»; представление о том, что в «шабас» евреям дозволялось сделать лишь определенное количество шагов; при забое скота запрещалось наносить второй удар).

Żydzi żyli tylko kosztym drugiego. To znaczy się wykorzystać kogoś [chcieli]. Oni do pracy nie byli, [tylko] do geszieftu, a myśmy byli, katolicy, to byliśmy goje. To jest taka, no, rasa u nich, tak jak goj, to takie do roboty, tylko wykorzystać go. «Goe» oni nazywali. A tego, a eee, belo tak, że oni można powiedzieć, że oni wykorzystywali, a nie i tylko w kabsle nabijali. Złotu, oni gelt, gold to było życie [według nich]. Później za to z głodu poumierali i i złoto zbijali, teraz co, rodzine takie jakie mieli, to wszystko musiało być, żeby nieee pracowali tylko, jakieś kosztem goa żeby żyli, kosztem. Bo na przykład jak mieli szabas, to w piątek zaczynali ten po południu, jak słońce zaszło, to było już do szabatu i przez sobote. To im nie wolno było

nawet świecy zaświecić, a przy świecach to szabat się odbywał, tylko goj chodził i świece świecił i, a oni mieli tam o tego o ograniczone ilość kroków do zrobienia, coś nie wiem dwa tysiące, czy tego, więcej im nie wolno było, tak przeważnie na siedząco ten szabat obchodzili, a przecież tam w kościele w pierwszym dniu po szabacie to jest w niedzielę, tak że, i co jeszcze takiego <...>

Weź tak, proszę ja ciebie, goj, to jaki to goj? To jest człowiek, tak czy nie? Musiał wszystko zrobić tak nu nu. I to za pół darmo. Przyszło się na Wielkanoc. Ludzie idą z rezurekcji, a tego, a Żydzi w rzeźni bydło biją, oni mieli to, że u Żydów nie wolno było dwa razy nożem i na żywca, nie wolno było głużyć. Tu było uwiązane bydło do słupa i ten rzeźnik podcinał go raz, tak. I szedł do gdzieś miał takie jakaś modlitwa taka żydowska, po tej modlitwie szedł, a to bydło jeszcze było, jeszcze żyło, jeszcze stało szedł i znów głowę skręcał i drugi raz, raz u tego, i dopiero to bidło jak się wykrwawiło, to wtedy padało i dopiero gdzie, a tak żeby zgłużyć albo tego to nie wolno było u nich, albo kury, kury to tylko zapchał ten do środka palec i tek nożem raz, ona się tak rzucała aż dopóki krew nie spłynęła (Edward Królikowski, 1930 r.p., Olszany, gm. Krasieczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1670]).

Обман как нормальная практика отношений евреев с клиентами также является общим местом множества нарративов (еврей должен обмануть первого покупателя, иначе ему не будет везения в торговле в этот день).

Tak, tak. No i tak ludzie mówili, że, że Żyd musiał zawsze pierszego klienta oszukać, bo potem mu się nie szczęściło. No, [śmiech] no a kto sie nie znał na czymś, no to sie dał oszukać, nie? A kto sie znał, no to się nie dał oszukać, a no to drugiego [niewyraźnie], także... (Bronisława Fedasz, 1931 r.p., Dybawka Dolna, gm. Krasieczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1669]).

При этом, согласно наблюдениям неевреев, евреи обманывали даже «своих». Приводимый ниже текст повествует о том, как еврей продавал своим единоверцам некошерное мясо:

Ale to tato opowiadał tako, nie wiem czy to taka anegdota czy to, czy to tak naprawdę było, że on handlował mięsem i niby miało być to mięso koszerne, to woził do Przemyśla no i sprzedawał, a to faktycznie nie było koszerne to mięso, no i potem się okazało, tam go gdzieś Żydzi przyczaili, że on oszukuje, mało mało go nie nie nie zlinczowali tam. A tak poza tym nic więcej takiego nie pamiętam. Tak tato mój jeszcze jak był młody, to tam w

Przemysłu to tam różne takie psoty robili Żydom też, jak on był taki mały (Elżbieta Gołębiowska, 1938 r.p., Krasiczyn, gm. Krasiczyn, pow. Przemysł, 2009 [TN UMCS 1664])⁹.

Даже когда еврей принимает крещение и формально становится «своим», фактическое отношение к нему остается прежним (он хотя и «свой», но обладает всеми возможными недостатками). Так, жительница села в окрестностях Красичина даже на склоне лет все никак не могла забыть, как соседка, крещеная еврейка, всем рассказала, что среди яиц, проданных ей рассказчицей, одно было испорченным; как результат – соседские отношения испортились навсегда.

A jedna Zołda (zołża?) w kiosku miała, na portierce miała sklep, wykściła się, wykściła się. Była Żydówka wykściła się i miała troje, dwóch synów, córke. A już umarła uona. Ja jej nie lubiała. Ja jej bardzo... ja psynosiła ser, masło, śmietane tak, bo miałam czy krowy. Słam do pracy i po drodze wielam i tam uona, tam które pracowali, tam i kupowali i ta Żydówka też kupowała. A gdzieś tu somsiadka raz dała jaja spsedać. Gdzies było jedno jajo zepsute. Ja na drugi dzień do pracy psychodze, ta Żydówka po całej kamienicy lata, ze ja smierzące jajo jej psynisła. Ja jej więcej potem nie dałam, jescem pracowała, jescem [niezrozumiale], juzem jej nigdy nic nie spsedała. Juz nie zyje juz umarła (Michalina Czuryk, 1926 r.p., Tarnawce, gm. Krasiczyn, pow. Przemysł, 2009 [TN UMCS 1674]).

Так формируется фабулат о «нехорошем еврее», который не ценит доброго к себе отношения. В рассказе «Як врятувався і як загинув єврей Швідлер», записанном в Подолии, говорится о том, как в с. Зеленча украинцы прятали еврея Швидлера (заведующего сапожным товариществом). Но Швидлер не оценил добра, после войны не давал товара в магазине, его застрелил кто-то и мало о нем жалели (Рахнивка, Дунаевецкий р-н, Хмельницкая обл., 2007 г. [УНВ 27, 350]).

Вспоминая о довоенном прошлом, жители бывших местечек, где еврейское население составляло большинство, иногда подчеркивали заносчивость евреев, которые противопоставляли себя неевреям

⁹ Описанная ситуация представляет своего рода бродячий сюжет, уже неоднократно зафиксированный в «местечковом» фольклоре. Ср. записанный в с. Вертожаны (Республика Молдова) рассказ о том, как некий человек поставлял в местечко некошерно зарезанных кур, был разоблачен и наказан [Белова 2015, 266–267].

(намекая на то, что благодаря своей зажиточности именно они, евреи, являются настоящими хозяевами местечка):

Tam Żydów, psed wojno, dobrze ze te Żydy to były zawse [oni mówili] «Wase ulice – nase kamienice»¹⁰ <...> Racy żydowskie. Uny się tylko śmiały, ze wase ulice, nase kamienice (Michalina Czuryk, 1926 г.р., Tarnawce, gm. Krasieczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1674]).

Это выражение играет важную роль в рассказе о том, почему Гитлер не любил евреев (избегали физического труда, хотели главенствовать и во всем иметь свой интерес), выступая в качестве своеобразной мотивировки данного факта:

Ja na temat Żydów, no co ja mogę mówić? No mów, tak jak ze mną żadna żydówka ni chodziła do szkoły i żad, nikt, nie było już ja już podrosłam, co nie było już w pobliżu gdzieś jakaś rodzina żydowska. Już nie było tu nikogo. Tyćko co wiem, że tu na tym terenie Krasieczyna mieszkali Żydzi i i tam gdzieś tamtędy [niewyraźnie]. Żyd. Żyd był. Każden żyd nie nie parał się, ten, pracą fizyczną mocno, tylko on zawsze głową. Na, dło tego Hitler [śmiech] nie chciał, bał sie ich, dlatego ich wytepił. [Kto, kto ich wytepił?]. No, Hitler no jak, kciał wymordować wszystkich Żydów, bo oni, oni mieli głowy do interesów i wszystkiego. Zawsze mówili: *Nasze kamienice, a wasze ulice* (Zyta Bąk, 1942 г.р., Krasieczyn, gm. Krasieczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1667]).

Сходный смысл имело и такое выражение:

Евреи жили и говорили моей бабушке и деду: «Мы вас христиан в мешок посадили, но ещё не завязали». Если бы им дали право, нам бы белорусам хана было бы, завладели они бы всем (Я.К. Буда, 1930 г.р., Витебская обл., г. Глубокое, 2015 г., зап. М. Коженевская, А. Головина).

В контексте этноконфессионального соседства особое звучание приобретает паремия «нами расчинили, вами замесят» (варианты:

¹⁰ Данное изречение расценивается также как воплощение антипольской поведенческой модели, сознательно культивируемой евреями (<http://www.wykop.pl/ramka/1597769/wasze-ulice-nasze-kamienice-geneza-powiedzenia/>). Выражение «Wasze ulice – nasze kamienice» (Улицы ваши – каменицы (дома) наши) закрепилось в детском фольклоре, превратившись в дразнилку (так еврейские мальчишки дразнили польских); стало лейтмотивом песни (<http://3obieg.pl/wasze-ulice-nasze-kamienice>).

«нами расщепят, а вами замесят...», «на жидях зробили начало, а на нас будет конец...»), когда две неразрывно связанные, но и противопоставленные друг другу части социума оказываются перед лицом общего врага и имеют шанс разделить общую судьбу [Белова 2014, 288–290]¹¹.

Добавим еще одно свидетельство в копилку уже имеющихся фактов – запись рассказа жительницы из окрестностей Красичина, объясняющего смысл выражения «*My idziemy na rozczyń, a wy pójdziecie na zamis*», которое поляки слышали от евреев в начале Второй мировой войны:

Wiem, że, pamiętam jak mama mnie wzięła za Niemców y do miasta, to mama, że też mama dziełam z Żydówkami rozmawiała. One sie tak ubierały, jak ja to wiem, to były wtedy Niemcy i mama wzięła mnie do miasta, do Przemyśla, no tu normalnie ubrana była ta Żydówka, jak jak kaźden z na nas, kaźde katoliki. Tylko moźe te męzczyźni sie ubierali tak [niewyraźnie]. To tak ta Żydówka powiedziała do mamy mojej: *My idziemy na rozczyń, a wy pójdziecie na zamis*. To znaczy, wie pani o co to chodzi? To chodzi o to, że do ty y do tych [cmoknięcie] [niewyraźnie] co tam spa palili zwło Żydów, nie, i Polaków palili. [niewyraźnie] te obozy koncen koncentracyjne. Tu to sama Żydówka już wiedziała najpierw, że my idziemy na rozczyń, to znaczy, że najpierw, a potem wy pójdziecie na zamis, a na zamis zawsze więcej woj y mąki trzeba, nie? Jak sie rozczyńia ciasto to jest y mniej, prawda, a na zamis dużo więcej. Wy wy pójdziecie na zamis, a ja wnioskuje z tego, że wszędzie w rządzie byli też y Żydzi byli w rządzie i oni w niemieckim rządzie też byli, to oni widzieli, co sie co sie kroї (Bronisława Fedasz, 1931 r.p., Dybawka Dolna, gm. Krasieczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1669]).

Обратимся теперь к другому типу текстов, а именно к образцам традиционных жанров фольклора. Отражение этнокультурных стереотипов в фольклорных текстах имеет свою специфику. Ситуации контактов и конфликтов между представителями разных этносов и

¹¹ К этой же группе можно отнести типологически сходные тексты о пророческих приметах, связанных с истреблением евреев во время Второй мировой войны: куропатки считаются «еврейскими» птицами, и их исчезновение предвещает беду для евреев, равно как исчезновение зайцев пророчит мор полякам, см.: Саґа 1992, 92. Ср. также: во время войны говорили, что когда исчезли куропатки – погибли евреи; исчезнут аисты – погибнут поляки (Стойка, гмина Чемерники, Люблинский повят, 1990 г. [Dlaczego wąż... 2015, 248]).

вероисповеданий в фольклоре также получают своеобразную интерпретацию; это касается и откликов на исторические события¹², и бродячих фольклорных сюжетов.

Во многих вариантах бытует сюжет о рождении «Мессии» от гоя, фольклорные версии которого, вероятно, восходят к анекдоту из «Мессии правдивого» Иоанникия Галатовского (1669): нееврей соблазняет дочку еврея и хитростью убеждает евреев, что она родит Мессию; когда же родилась девочка, жида «завстыдили и разгневалися» [Марковский 1895, 94–95]. В украинской народной словесности этот сюжет бытует, например, в таком варианте: мужик Иван Шве́ц объявляет себя отцом «Мессияша», живет с дочкой еврея Соломона; когда родилась дочь, Иван сбежал, евреи поймали его, хотели «ожидовиты» и женить на еврейке; но Иван обманом заставляет евреев убить своих жен (обещает научить оживлять их «волшебной» палочкой), евреев забирает полиция [см.: Чубинский 1878, 563–564, № 53]¹³.

Еще один сюжет, в который органично встраивается мотив этнических контактов / конфликтов, это баллада о корчмарке, которую сманили проезжие молодцы¹⁴. «Этнический» колорит может проявляться в зачине баллады, как, например, в варианте, записанном в Херсонской губернии:

Ой у поли, поли,
У чистій дуброви,
Ой вей, вир бом, бом,
Вир бом,
Вир бом,
Вир бом,
Вир бом,

¹² См., например, поэтический текст на идише «Плач на бедствия украинския», датируемый 1840-ми гг. Это «жаргонное» стихотворение описывает события уманской резни (1768) и по некоторым сведениям пелось евреями; найденная рукопись опубликована в переводе на русский язык, см.: Плач 1895.

¹³ Параллели и варианты см. также: Белова 2005, 99.

¹⁴ Свод восточнославянских вариантов см.: Смирнов 1988. По классификации балладных сюжетов, предложенный Ю.И. Смирновым, данный сюжет входит в раздел «Мифологическому существу (этническому врагу, чужеземцу) нужна девушка» [Смирнов 1988, 35].

Новая корчомка
Муром мурована...
[Чикаленко 1896, 85]¹⁵.

Далее говорится о том, как три молодца сманили корчмарку Хайку; она убежала с ними «у суботу вранци», когда все «жида в школе»; погрузила три воза: перины, сундуки с грошами, и сама на воз села. Молодцы привезли ее к Дунаю и бросили в реку:

Нехай твои руки
Тай зъидят гадюкы,
Нехай твои ноги
Та зъидят стоногы <...>
Нехай твои цыцы
Та зъидят блошыцы
[Чикаленко 1896, 87].

Анализируя этот мотив (похищение и убийство девушки заезжими молодцами) в контексте восточнославянского корпуса балладных текстов, Ю.И. Смирнов включает его в сюжет № 76 (турок, поляк, донской казак / поляк, казак, русак / поляк, гусар, казак / три волошина / два ляха пьют в корчме, сманивают шинкарку, обирают, привязывают к сосне и поджигают): 76.6 Казаки уговорили еврейку бежать с ними, прихватив добро (Черниговская губ.); 76.11 Казак сманил дочь корчмарки Хайку вместе с возами добра; ее мать скорбит о разорении корчмы и кричит, чтобы дочь вернулась проститься (записано на Дону) [Смирнов 1988, 35].

Мотив бросания в воду (утопления) характерен для выделенного Ю.И. Смирновым сюжета № 77: 77.1 Казаки бросают еврейку у Дуная; не желая возвращаться домой, она топится (укр., бел.); 77.2 У Дуная Гайке предлагают утопиться, удавиться или домой воротиться; она предпочитает утопиться. Гайку «окрестили» в Дунае и так, что сразу утопили (записано в Белозерье); 77.3 Казак обещает спасти брошенную им в Дунай Хайку; его дворы – леса и горы, его слуги – скалы и дубы (Карпаты) [Смирнов 1988, 36.]

¹⁵ Ср. аналогичный прием в песне: «Спалюбиў Ванька жидоўку Хайку, ой, вэй, вэйма, мамуля, ой, зон, зонна́, нанá, жидоўку Хайку» [Добровольский 1914, 398].

Тема этнических конфликтов отражена и в быличках о взаимодействии человека и мифологических персонажей. Обычно «чужой» в такого рода текстах выступает как представитель (или ипостась) нечистой силы или ее пособник¹⁶. Однако традиция фиксирует и примеры иного рода, когда чужой предстает как воплощение Божьего благословения. Так, в верованиях украинцев Галиции отмечен домовый-благодетель в виде маленького бородатого еврея [Белова 2005, 214].

Сходный образ крестьянина, который обеспечивает благополучие торговца-еврея, отмечен в еврейской традиции (сказка «Благословение Божие»): если замечаешь «благословение» в твоём доме, никому об этом не рассказывай, иначе шед (злой дух) отравит его своим ядовитым дыханием; загадочный крестьянин в канун субботы покупает у разносчика товар, и с тех пор деньги у того не переводятся; перед смертью разносчик хочет рассказать об источнике богатства, но по совету жены решает поблагодарить Бога, когда придет в лучший мир [С.Д. 1882, 229–230].

Славянские духи-обогагатели иногда благоволят к «чужаку»-еврею. Так, лесные *Didki Leleki* обогащают бедного еврея: он находит под корнями вывороченного дерева золото и серебро; клад предназначен именно бедняку, которого духи ждут [Siemieński 1845, 119–120].

Но чаще демонологические персонажи шутят над «чужаком» и пугают его. В галицийской быличке рассказывается о том, как ночью еврей встретил у ручья в лесу двух «полночниц» (*północnicy*), лесных духов, которые угрожали «окрестить» его; одна другой говорит: «Kumoska! je pojdze, bedomy go kścić»; еврей испугался и убежал, в корчме долго приходил в себя [Kosiński 1904, 6]¹⁷.

Нечистая сила принимает облик еврея, чтобы обмануть или напугать: черт в виде старого оборванного еврея пытается выманить у

¹⁶ Подробнее о связи инородцев / иноверцев с нечистой силой и о демонологизации образа еврея в славянском фольклоре см.: Белова 2005, 213–231.

¹⁷ Ср. о возможности спасения с помощью сакрального символа другой культуры в экстремальных ситуациях: еврей упал под придорожный крест и спасся от волков (Полесье [Белова 2005: 141]); еврей, заночевавший в лесу, перекрестился перед сном и его не прихватила с собой загадочная «свадьба» (Закарпатье [Белова 2005: 141]); чтобы избавить еврея от домогательств нечистой силы, следует осенить его крестным знамением (Могилёвская губ. [Белова 2005: 217]).

мужика цветок папоротника; черт, приняв вид местечкового еврея, пугает проезжающих по дороге и рассыпается огненными искрами [Белова 2005, 214].

«Чужой» может выступать как пособник нечистой силы; например, в сказке из белорусского Полесья черт смущает «доброго человека», подсылая к нему соблазнительную еврейку:

Як падкаснуўся как мне нечысьцік, дак я хаджу бы шалёны да ўсе думаю, каб зрабіць што-небудзь ліхое. Гляну я на чужое дабрò, та нёчысь і шэпчэ мне ў вухо – пацікуй як ніко́го не будзе да й беры сабіе; зірну́ на го́жую маладзіцу дак аж у аччу́ пацёмніее, а сёрцэ́ затрапéчэцца бы баранà хвост. А ён і шэпчэ – зачапі, зачапі. Бабы любяць, як іх чапаюць. <...> Давאַў я й на цэркаў, хадзіў і к папу, каб ён пакрапіў сьвенцонаю вадю да атчытаў менé на евангелы – нічо́го не памагае. Параілі людзі, каб я даў на школу. Даў я й на жыдоўскую школу, дак куды там. – Каа – ста́ло яшчэ гарыэй. <...> От іду́ ў местэчку ат школы да й сустракаю маладу́ю жыдовачку. Зірнула яна на менé да й засьмейлася. А нячысьцік і давай менé таўхаць, давай штурхаць пад бокі да прóсто й пхае да таё забрынданае недавiеркі. <...> та пёўне-б я й запаганіў сваю душу [Сержпутоўскі 1930, 221]¹⁸.

В народных сказках «чужой» часто выступает в роли обманутого простака или посрамленного персонажа (в силу его неосведомленности о нормах поведения в значимых ситуациях или правилах обращения со значимыми предметами)¹⁹. Так, например, в белорусской сказке еврей не знает правил обращения с хлебом и потому лишает его. Еврей несет хлеб и встречает крестьянина (хлопа); еврей просит крестьянина помочь ему нести хлеб; крестьянин говорит, что хлеб должен его нести и отказывается помогать; еврей садится на хлеб и велит себя нести; еврей бьет хлеб и бросает его; крестьянин подбирает, целует и ему есть что есть [Federowski 1903, 242].

Показательным в этом контексте является широко распространенный в мировом фольклоре сюжет ATU 1319 *Pumpkin sold as a donkey's egg* (глупец находит (покупает) неизвестный плод (тыкву,

¹⁸ В сказке описывается распространенная магическая практика – пожертвование в синагогу в кризисных ситуациях [см.: Белова 2005, 131–132, 254; Белова 2007б; Киреева 2007]; здесь это результата не дало, «атрабіла» баба-ворожейка.

¹⁹ Об этом на примере белорусских сказок см.: Kubiak 1979.

дыню и т.п.), принимая его за яйцо осла (кобылы, верблюда и т.п.); «яйцо» падает и спугивает зайца (кролика, лисицу, мышь), глупец думает, что животное вылупилось из яйца) [ATU, part 2, 121–122], или СУС 1319 *Кобылье яйцо* (глупец (поп) садится на тыкву, чтобы высидеть жеребенка (щенка), принимает за жеребенка убегающего зайца) [СУС, 282], где в роли простаков выступают этнические «чу-жаки» – мазур, еврей (раввин).

В белорусской сказке глупый мазур высиживает из гарбуза (тыквы) коня; выбрасывает сгнивший гарбуз, пугает зайца, тот убегает; мазур думает, что это жеребенок [Weryha 1889, 16–17].

Аналогичный сюжет, но уже с участием еврея, зафиксирован в черниговском Полесье:

Запрѣг чэловек коня, коня да кобилу, лоша и клав гарбу́з в воз, повез на базар. Пришов жид куплять: «Одай мне коника ма́лого». А ён кажэ: «Я [тебе] нэ продам, я собі высидив, купи гарбу́з да высиди соби. Купи гарбу́з, положи на печку и сядь, да сиди, пока коник не выйде». И он купив гарбузу, поклав на печ и сам сев и сидить, до того сидить, шо ўже жоўк. Жидоўка ругае его: «Мишугель [указан пропуск в тексте; возм., была фраза на идише, не зафиксированная собирателем], шо ты жоўк, ти жэ здохнэш, ўставай! Бачеш: гарбу́з ўже течэ, ўже розгни́лэсь». Ну да иде, понёс, а там кусты [шевели́тэся]. Як ба́хнул, а там заяц спаў. Дак э́ко то́да ўжэ заец як виско́чиў, бежыть, дак и он кричыть: «Ксю, ксю, я твой матко, вырнись, ксю, ксю, я твой матко». А зайчык побѣг, ён думаў, шо то з гарбузи виско́чив конь. И пришоў давай бить свою жонку: «Шоб я шэ поси́деў трошки, трошки, та́кі ко́ник виско́чив се́рэнький да малэ́нький, а вушки та́ки доўги, доўги и полягаю́т на го́лове» (Копачи, Черниговский р-н, Киевская обл., 1985 [ПА]).

В варианте из Покутья гарбузы (*кобилячі яйця*) «высиживает» Иван, обещая евреям, что из гарбузов вылупятся кони. Когда гарбузы сгнили, Иван поджег корчму, чтобы скрыть обман, а потом демонстративно оплакивал своих «детей». Здесь хитрец использует несуразную ситуацию для своей выгоды, а обманутыми простаками оказываются наблюдатели-евреи.

Оден чоловік вивіз на базар цілу фіру гарбузів. Приступає до него жид і питає:

– Що се таке на фірі?

Як Іван учув, що жид не знає про гарбузи, то подумав: «Ти дурний, як ти се не знаєш». Та й каже жидови:

– Се кобилячі яйця. А жид каже до Івана:

– А хто на них буде сидіти – кобила чи курка?

Іван каже, що курка не годна, бо вона мала. А кобили не виводять лошат із яєць.

– Ну-ну, а хто ж має виводити лошата з сих яєць?

– Як хоч' купити кобилячі яйця, то ти когось найми, аби тобі висидів. Ти мені заплати за кожне яйце по золотому, і можеш сидіти ти або жінка. Понеси їх до вантіря, накрій перинами і сідай на них або ти, або жінка. І висидиш лошата.

Жид каже:

– Я тобі заплачу по золотому, але аби ти сам висидів. А Іван говорить:

– Ви давайте по золотому за кожне яйце і сто золотих мені за те, що буду висиджувати.

Порахували вони гарбузи. Було їх сто.

– То ще давайте мені сто золотих і масте мене годувати. Що я забавлю, аби ви дали мені на їду.

Питається жид Івана, чи довго треба сидіти. А Іван говорить:

– Залежно від температури.

Жид заплатив йому двіста золотих, і поїхав Іван додому. Завтра має прийти.

На другий день приходить Іван і накриває перинами гарбузи («яйця»). Сам сів зверху. Довго жиди Івана годували, аж поки не загнилися гарбузи. Іван перевірів їх – багато під периною гнилих. То була субота, всі жиди пішли до божниці молитися. Іван довго не думав і придумав таке: «Запалю корчму. А як будуть іти жиди з божниці, буду плакати». Він добре знав, що гарбузи погниють, і йому треба буде заплатити. То він таке й придумав.

Запалив він ту корчму, ходить там і плаче. Горить вся корчма, не лиш той вантірчик. Коли жиди побачили, що їх корчма горить, прибігли та й хочуть загасити. А Іван натер очі цибулею, бігає довкола вогню та й плаче. І все каже:

– Діти мої, діти мої! Я думав, що з вас буде стадо коней, а ви всі попеклися! То не через мене ви попеклися, то був великий жар, а я не мав води погасити вас. Я приніс води, але то замало було. Треба було багато води.

Та й водно плаче:

– ...Діти мої, діти мої! А жидівка жидови каже:

– Видиш, що то діти, а що то мама? Як мама плаче за своїми дітьми!

(Копачинцы, Городенковский р-н, Ивано-Франковская обл., 1988 г. [УНК 13/2, 481–482]).

Ету сказку с заключительным эпизодом шутовского оплакивания, которое євреї тем не менєе приймають всерьєз, можна сравнить со стихотворением Степана Руданского (1858) «Кобилячі яйця (Що то мати, що то діти!)»:

Ходить жидок по ярмарку
Помежи возами,
Надибає чоловіка –
Стоїть з гарбузами...
Жидок з роду ще не бачив:
«В що то?» – питає.
– А що ж? Яйця кобилячі! –
Той відповідає...
«Як то? Гирсти? З того яйцю
Малий коник буде?...»
<...>
– Яйця ж мої, любі, милі!
А я ж ваша мати!
А я ж думав, що потіху
Буду із ва мати!
А я ж думав, що підмога
Мені із вас буде!
А я ж думав, мої діти,
Що з вас будуть люде!..
І промовив з подивлінням
Жидок бородатий:
«Що то діти, що то діти!
А що то їх мати!..»
[Руданський 2007, 42].

Существует также вариант сказки, в котором Иван высиживает куриные яйца, обещая хозяевам-євреям небывалый выводок – 100 цыплят, ест и пьет за счет євреев, а потом, чтобы скрыть обман, поджигает гнездо и «оплакивает» цыплят.

В єднім селі жили собі жидівка з жидом. А в сусідстві жив Іван. І жидівка кликала того Івана, аби помагав робити. Він у них дрова рубав. Та й каже жидівка Сура до Івана:
– Ми будемо насаджувати курку на яйця.
Каже Іван:
– Добре.

Питає Сура:

– Кілько то треба яєць?

– Треба сто яєць, – каже Іван.

Дає Сура Іванови гроші, пішов Іван по селу і купив сто яєць.

– Чуєш, Іване, де ми будемо насаджувати курку?

– В стайні її треба насадити.

– Ну-ну, Іване, зроби там гніздо.

Зробив Іван гніздо. Винесли яйця, вложили в гніздо.

Каже Іван:

– Чуєш, Суро, курка мала, вона не засяде сто яєць.

– А що будем робити? – питає Сура.

– Я буду сидати на яйця, – каже Іван.

Сів Іван на яйця й сидить.

– Чуєш, Іван, – каже Сура, – кілько ти будеш сидіти на яйцях?

Іван їй:

– Три неділі.

– А як тобі їсти давати, Іване?

– Зробіть таке вікно в стайні і крізь те вікно будете мені їсти давати.

Три рази в день. Але води не будете ми давати, бо я можу яйця застудити. Треба давати по сто грам горівки. А до стодоли нікому не вільно йти.

Іван собі попиває по сто грам. І добрий обід має, і полудне, і вечерю. Та й лежить собі на соломі. Вип'є сто грам і яйце вип'є. Приходить Сура, питає:

– Іване, кілько ти вже сидиш?

– Вже тиждень сиджу, – каже Іван. – Би-сте тихо були, бо вже тиждень. Би-сте не ходили близько попри стайні, би-сте не тупали, бо то дуже шкодить на яйця.

А Іван ту стайню на ніч замикає і йде собі спати додому. А раненько приходить і лягає собі на солому коло тих яєць. Приходить Сура, приносить Іванови їсти.

– То вже деє буде три неділі, Іване.

– Не, Суро, ще тільки дві неділі.

А Іван дивиться, що ще має доста яєць, ще не всі випив. А Сура має платити Іванови щодень по золотому. Каже Іван до Сури:

– Би-сте мені не несли їсти ані студене, ані гаряче, бо як буде гаряче, то яйця заприють, а як студене – застигнуть.

Пройшов якийсь час, каже Іван до Сури:

– Суро, вже доходить третій тиждень.

А в гнізді ще десять яєць лишилося. Питає його Сура:

– Коли вже будуть курята лізти?

– Завтра вже будуть вилазити, – каже Іван.

– Добре.

– Завтра би-сте приходили, і будемо курята забирати. Вже курята ціпкають у яйцях.

Увечір пішов Іван додому, до своєї хати, а раненько вернувся до тої стайні і запалив того гніздо. Вихопився з стайні і кричить:

– Суро, огонь горить!

Сура вискочила та й плаче, а Іван рветься до гнізда рятувати курят. Сура тримає Івана:

– Іванцю, не йди в огонь.

Іван узяв води та й огонь загасив. А гніздо цілком згоріло. Сура каже:

– Видите, що то мама дітям! Як Іван пхався в огонь, аби врятувати курят.

Заплатила Іванови за три неділі по золотому та й каже:

– Я вже більше не буду давати по сто яець, а буду давати по п'ятнадцять. Аби курка сіла (Сопит, Сколевський р-н, Львівська обл., 1990 г. [УНБ 14/1]).

Форму байки-анекдота приобереває рассказ о том, как еврейка подверглась нападению в собственном доме, будучи одурачена мошенниками. Комический эффект достигается за счет того, что еврейка излагает суть произошедшего раешным стихом на ломаном польском языке.

Na przykład Żydówka została napadnięta do tego, w mieszkaniu. Icek poszedł do roboty, a Żydówka została, to było na Kościuszki, to faktem było. I na Kościuszki był zaraz sąd też dawniej. I przyszło dwóch badziarów, wykorzystali, tam pieniądze wzięli. Jak ją wypuścili, to ta wpada do sądu i już przy drzwiach krzyczy «A dzień dobry panie sędzio, ja tu przyszła do urzędu, ja tu przyszła skargę wnosić i o sprawiedliwość prosić. Że mnie napadł taki zbój, że [śmiech]».

[SZ:] Już dali nie mów.

[EK:] «...że miał taki tęgi pałki i z ty pałki miał dwa gałki [śmiech]. Najpierw zaczął się uśmiechać, ja zaczęłam go odpychać. Jak mnie złapie w swoje łapy, jak mnie rzuci na kanapy. Potem na mnie cały runął i z tym pałką całe wsunął [śmiech]».

To, to fakt był, że tak robili, bo przecież, że Icek przebrał się, poszedł do pracy, drzwi tylko przekręcił, a tu już, jego zaobserwowali badziarze, bo przed wojną w Przemyślu to było tych badziaroszów do licha. Już tam puka, kto to jest. No to...

[SZ:] Najczęściej listonosz.

[EK:] Ja, Salkie, to otwórz, ja zapomniałem kluczy. Salkie otworzyła, a Icek, zamiast Icka to było dwóch badziarusów.

[Kogo? Kto to?]

[SZ:] to takie o, zbiry

(Stefania Zasadzińska [SZ], 1941 r.p.; Edward Królikowski [EK], 1930 r.p., Olszany, gm. Krasiczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1670]).

Фольклорные тексты отражают и устойчивые стереотипы относительно евреев, например представления о специфическом запахе, якобы присущем евреям и создающем постоянную напряженность в общении с ними. В истории, приводимой ниже, ключевой становится фраза «Ицик не фиалка, чтобы его нюхать».

[SZ:] A jak to było z tym Ickiem co poszedł do szkoły?

[EK:] Icek wchodzi do szkoły a nauczycielka musiała no, koło każdego dziecka, żeby postać wytłumaczyć, zaglądając, a Icek, no ci Żydowie, n otak śmierdział tak i nauczycielka mówi. Napisała kartkę, «masz to dać mamie», tam jest napisane, że proszę Icka umyć, przebrać, bo od Icka czuć. Na drugi dzień to samo. Icek przyszedł do szkoły tego samego. Na trzeci dzień, jak napisała kartkę, a ta Żydówka już była poddenerwowana i pisze: «Proszę pani, Icek nie fiołek proszę uczyć, nie wachać» [śmiech] (Stefania Zasadzińska [SZ], 1941 r.p.; Edward Królikowski [EK], 1930 r.p., Olszany, gm. Krasiczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1670]).

Наиболее ярким свидетельством контактов становятся славянские тесты, в которых звучат голоса этнических соседей.

[A jakieś piosenki pan może zna? O Żydach co śpiewano? Albo wierszyki?]

[SZ:] Nic tam jakichś wierszyków, pisoenek, nie znasz jakich o Żydach?

[EK:] Ja znałem, bo to tych kawałów żydowskich jest takich. [śmiech]

[SZ:] to tak od razu nie przyjdzie.

[EK:] Salke tu jeść, a ta Salka to była taka prawda, że stała przy kuchni i jedna ręka w głowie i [drapała się] a druga gdzie indzi [okolicie miejsc intymnych]. Przyszedł Icek na obiad i Salka mu dała zupę, ten je tak to zupę i odrzucił włos, za chwile czasu odrzucił drugi włos [śmiech] woła, trzeci włos już woła «Salka kom zu her», Salka przychodzi «Was hast du heute gekochelest» – Co dzisiaj ugotowałaś. A ona mówi: «Zupes». «Mit was ist dise zupes» – «z czego jest ta zaupa?» a tego, a ona mówi i zaczyna mu: geltferiben, kraus, kartofeln, zfibeln, bobeles, a tam już jak «bobels mit choleres mit klakes de szlecht» [śmiech]. «Di treften».

[SZ:] Po jakiemu to? Po niemiecku?

[EK:] Po żydowsku.

[SZ:] A skąd ty znasz żydowski język?

[EK:] Taa, Boże święty, toż my z Żydami my tutaj się bawili, tu, a uoni, Żydy, Żydzi mieli przecież podobne słówka, ta jak tego.

[SZ:] To znaczy, że w zupie były włosy? Tak?

(Stefania Zasadzińska [SZ], 1941 r.p.; Edward Królikowski [EK], 1930 r.p., Olszany, gm. Krasieczyn, pow. Przemyśl, 2009 [TN UMCS 1670]).

Бытовая история о том, как еврейка подала мужу суп, в котором оказались волосы (помимо всякой всячины – капусты, картошки, лука – «бобы с болячкой и с клочьями»), разыгрывается рассказчиком по ролям, и действующие лица говорят на «идише», понятном самому рассказчику²⁰, потому что большая часть жизни его прошла по соседству с евреями.

В воспоминаниях жителей регионов, где-то когда-то этническое и конфессиональное соседство было нормой, этнокультурные стереотипы часто представлены в виде последовательности мотивов, отражающих мифологизированные представления о «чужаках». Такие развернутые нарративы, особенно если в разговоре участвуют сразу несколько человек, наглядно демонстрируют всю гамму отношений к «своим чужим» – соседям, с которыми жили и общались многие поколения. В качестве примера приведем фрагмент интервью, записанного от группы собеседников, в котором соединились и воспоминания о взаимоотношениях с соседями-евреями, и оценка «чужих» традиций, и предрассудки в отношении «чужих» (запах, «кровавый навет», похороны сидя), и стремление осознать традицию соседей через призму индивидуального и коллективного опыта.

[АНИ:] У нас только жидовское кладбище тут в Кричеве ёсть, во, жидовское, и всё, таких нема больше. <...> [Евреи жили только в Кричеве или по деревням тоже?] Ой, их много... [РАВ:] Ой, яны везде жили.

[КТА:] Везде. [РАВ:] Их было много, а в войну их поистребили. Так не-

²⁰ По наблюдению А.Л. Полян, «озвученный» идиш представляет собой скорее искаженный немецкий язык; информант в детстве слышал и понимал идиш («my z Żydami my tutaj się bawili, tu, a uoni, Żydy, Żydzi mieli przecież podobne słówka»), но сейчас воспроизводит речь евреев в немецкой фонике. Благодарю А.Л. Полян за разъяснения.

навидели немцы жидоў етых... Ховались, это... жэншыны с дятми вот так во по хатах, во. Их приючали... ховали от этих немцоў. [Почему?] Вот ненавидели... жидоў и всё. Ти ины знали... <...> Яны язык ихный знали, я не знаю. Это так рассказывают. [КТА:] Не, говорят, эстонский ближе к немецкому. [РАВ:] Нет, говорят, к немецкому и жидовский подходит... [КТА:] Да? [РАВ:] Да. [КТА:] Знаю, что эстонский. [РАВ:] Ну, ненавидели. [То есть евреи могли понимать, как немцы разговаривают?] Да, да. И во, прямо... копали этия... траншеи, и ставили их... этих... в очередь... Тут во столько погибших, де-то тут было место, я не знала... И даже на Иваноўке... ли нескольких там... Что траншеею сами сабё выкапывали, становили их и расстреливали. Ины падали у ту... а тады загёрнуть йих и всё. Немцы издевались. Не так немцы, яко вот полицаи, свои.

[У евреев такие же праздники, как у нас, или другие?] [АНИ:] Не-е-т, конечно, нет. [РАВ:] Нет. [Как у них Пасха происходит?] [КРИ:] У йих Пасха только раньше. [КТА:] На неделю. [КРИ:] На неделю, а потом наша. [КТА:] И все почти так праздники. [КРИ:] И все праздники, да. Там написано: католики. [РАВ:] У йих своё поверье. [КРИ:] Свои поверья, да. [Они готовили что-нибудь особенное на Пасху?] [АНИ:] О-о-й. Я раз, эт самое... [РАВ:] Мацу якую-то яны пяклі. [КТА:] Солёное какое-то. [АНИ:] Я попробовала. [РАВ:] Мацу... [АНИ:] У меня... молодая ж была, и, ну, волосы ж были, эт самое, и з... раньше химия была, модно. Ну и работала в массовом цеху в городе там, где... вот, ателье. Ну и там, эт самое, не знаю, шас инá жива иль не живая, Бетя, может быть, она и на Микро [микрородок Сож в Кричеве] жила. [ДОВ:] Бетя – она жива ещё. [АНИ:] Жива ещё? Ну вот. [ДОВ:] Да. С бабушкой моей работала. [АНИ:] И, короче говоря, она меня вот спр... спросите, эт самое, она меня... должна меня помнить. Я такая чёрненькая была, кучерявая такая. [Усмехается.] И инá мне дала эту мацу попробовать. А я-то не знала, молодая, я ж не знала, что это такое, я попробовала. Вот такая тоненькая, такая... тонкая-тонкая, вот как... [КТА:] Ну она пресная, наёрно... [АНИ:] Вот как шас делают эти, как их называют... [ДОВ:] Лаваш... [АНИ:] Чипсы. Так, ну, тонкая-тонкая. [КТА:] И солёная. [АНИ:] Пресное тесто. Пресное и всё. Ины п... походу приняли меня за свою. Угостили только меня. Вот. [Усмехается.] Ну я тада и похожа была на еврейку. Такая голова эта... чёрная... Теперь уже... [Рассказывали что-нибудь про мацу? Что в нее что-то добавляют?] [РАВ:] А хто их знает. [АНИ:] А кто их знает. Меня потом напугали, мол, кроў какою-то добавляют, да ишё что-то такое... Во, глупости – думаю. Ну съела ж я, ничего со мной не сделалось, так и живу... [КТА:] Да ну, мне кажется,

вряд ли, мне кажется. [РАВ:] Ну, говорят, что убивают... кого-то когда-то... Да, но... [КТА:] А сейчас, мне кажется, нет. [ДОВ одновременно:] А Бетя цимес вам не готовила, не? [АНИ:] А? [ДОВ:] Цимес Бетя не готовила? [АНИ:] Не, это ж я была молоденькая, работала в этом, в цеху, и помню её хорошо, мне всегда нравилось, хо... хорошая такая женщина, добродушная. Полная. [ДОВ:] По-моему, она ещё жива. [Говорили, что они кого-то убивают для мацы?] [РАВ:] Да, чтоб кроў была. [КТА:] В смысле животных. <...> [РАВ:] Людей! Животных... [КТА:] Да... [АНИ:] Да. [РНП обращается к ДОВ:] В Израиле они живут? [ДОВ:] Бетя? [КРИ:] Да. [ДОВ:] Нет, это Рахиль в Израиле, а Бетя – нет. [РНП:] Берта Игоревна, да? [АНИ:] Ну да, мы её Бетя звали. [РНП:] Она тады в семнадцатом саду работала, раньше. [АНИ:] Ой, я не знаю де... я знаю, что со мной работала. [Вы говорите, что людей убивали?] [РАВ:] Да-а... разговлялись как... говорят, человека, чтоб кроў была на этый праздник. Убивали, гьрят, людей. [А кого – своих?] А Бог их знает. То я чула так, а они... вам точно не скажут. [АНИ:] Я чула, что пе... петуха – да. Могли, эт самое. [РАВ:] Ну б за петуха – это ужо наши били, такие люди, простые. [АНИ:] Это потом, да... [АНИ:] Они... этый самый... белорусские. [КТА:] Может, это когда-то, когда... [АНИ:] Это когда-то, наверно было... уже ж тоже так давно нет... [КТА:] Да, может быть, начиналось так... а потом стали уже петуха, там, кроў может быть там не добавляли... [РАВ:] Да, да... [АНИ:] Это было когда...

[Не говорят, что у евреев какая-то погода должна быть?] Ну да, говорят. Обычно дождик идёт на этот день... [КРИ:] Если, говорят, дождь... [КТА:] Коро... коросту чтоб снимать... [РАВ:] Из-за того, что яны, говорят, корбстливые были... правда ти... [Все смеются.] [И что?] И пахучие, говорят, дюже. [КРИ:] Вонючие. [АНИ:] И я слышала, что, вот, запах от них, вот интересно было... понюхать... [РАВ:] Ти их пот такой... тоже говорили... [РНП:] Не, неправда, Наталья не пахла. [АНИ:] Ну дак я ж говорю, я ж работала вместе с человеком, ну я не понимаю, вот, гть, запах, а какой? [РАВ:] Ну, не знаю... [РНП:] Наоборот ишэ и губы так накрасить, и этый самый... и... [РАВ:] Ну дак ужо, мóэть, <...> брызгались да... [РНП:] Токо сало не е... не это... [АНИ:] Да, сало – да. [А запах идет от них?] [РАВ:] Да, да, вот... ихное тело так ти потело, дак это и мóэть п... такой запах. [РНП:] А сейчас иначе пахнуть. [РАВ:] Да, а сейчас ужо... шас же всё, раньше ж это не было ничё, это сейчас уже и духи... одеколоны, дезодоранты, этыя всё. [РНП:] Шас и сало яны ядуть, и всё... [РАВ:] Можно и подушиться, и...

[Не говорили, что их как-то по-особому хоронят?] [РНП:] В мяшку целлофановом. [РАВ:] Сид... сидючи, гьрить, их садють. [АНИ:] В про-

стыне белой, сáван называется. [РНП:] А не у мяшку целлофановом? [АНИ:] Не, в белый саван и так на корточках... эт самое... [РАВ:] Ну там... я-то ня видела, и не скажу точно... [АНИ:] А я видела... [РАВ:] Говорють, их садють. [АНИ:] Да, садят. [КТА:] Ну, типа того как... как он родился, так его и... хоронят. [То есть в белый мешок и садят?] [АНИ:] Да, простыня такая, заворачивают. [РАВ:] Не ложуть, як наши у гробе, а садют прямо... на землю. [Вы говорите, еще могут в целлофановом мешке?] [РНП:] Ну, это что-то я слышала тоже.

[Говорят, они не едят свинину и сало?] [АНИ:] Конечно. [Почему?] [РНП:] А сейчас уже едят. [АНИ:] А може и едять, шо ж им есть. [РНП:] Шас ужо всё. [АНИ:] Шас говядины в магазине... нету. [Не говорили, почему раньше не ели?] [РАВ:] Не знаю, ти жиды были в армии, ти, можа, так... чёрныя эты, нярусские, мой хозяин... ён в морфлоте служыл, так гърить, бывало и хвост ложили под... под эту... под подушку, чтоб ён привык к салу. [Усмехается.] И ягó рвало, а потом когда, говорить, раскушали это сало, дак смеялся, гът: «Давайте мне побольше, я буду есть». [Усмехаются.] Мой хозяин рассказывал, в армии смеялись. [Хвост под подушку, чтобы привык?] Ну да, чтоб ягó раздражить, хвост тый свíний, а у йих же подсобно хозяйство своё там было, ну... Положить, а ён тады, гът, до рвоты, до крови. Это нярусские, это чёрные, може и не из... раньше служили все ўместе, як Союз быў, ну... [КТА:] Да, армяне, азербайджанцы... [АНИ:] Мы на север жили, было сколько... ой, много национальностей. Я даже и сказать не могу. И мордва, и татары, и эти... как его, эти вот, в Кишинёве что эти... [КТА:] Молдаване. [АНИ:] Молдаване. А у молдаван такой говор, такой у их на «л». «Лэк» – так мягко яны всё это говорят, прямо вот мягкий такой разговор вообще. А вот мы жили, рядом были и карелы и финны жили, а я не научилась... разговаривать... [КТА:] По-ихнему, да? [АНИ:] Никак. Это шас там уже изучают финский... а нас... мы тада не это самое... (А.В. Рубанова, 1939 г.р., Н.И. Анисимова, 1952 г.р., Р.И. Кучмина, 1952 г.р., Н.П. Рубанова, 1960 г.р., Т.А. Куликова, 1965 г.р., О.В. Дорошук, 1989 г.р.; Ивановка, Кричевский р-н, Могилёвская обл., 2014 г. [АЛФ]).

Проблема контактов и конфликтов, отраженных в текстах фольклора, рассмотрена нами лишь на небольшом количестве примеров. В перспективе данная тема может быть раскрыта на более широком материале с привлечением не только текстов несказочной прозы, балладной лирики и устных нарративов, но и других жанров (присловий, пословиц, паремий, заговоров и т.п.). Однако уже сейчас

очевидно, что народная культура чутко реагирует на все случаи соприкосновения традиций и отражает их своими художественными средствами.

Литература и источники

- АЛФ – Архив Лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета (Москва).
- Амосова 2016 – *Амосова С.* Наветные тексты и другие представления о еврейских праздниках у жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Часть II / Отв. ред. С. Амосова. М., 2016. С. 127–140.
- Архив АГ – Архив Кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ (Санкт-Петербург).
- Белова 2004 – *Белова О.* «Со своим уставом в чужой монастырь»: «наступательная» модель в этноконфессиональном диалоге // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2004. С. 119–136.
- Белова 2005 – *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Белова 2006 – *Белова О.* Евреи, цыгане и другие «чужие» в славянских народных снотолкованиях и приметах // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2006. С. 131–140.
- Белова 2007a – *Белова О.В.* Этноконфессиональный навет как культурный текст (по материалам из западных областей Белоруссии, Украины и из восточной Польши) // Белорусско-российский диалог (Культура и литература Беларуси XX–XXI вв.) / Ред. кол.: Н.М. Куренная, Ю.А. Лабынцев, В.А. Максимович, Л.Л. Щавинская. М., 2007. С. 227–242.
- Белова 2007b – *Белова О.* Народная магия в регионах этнокультурных контактов славян и евреев // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2007. С. 110–136.
- Белова 2014 – *Белова О.* Историческая память и современный фольклор (на примере народных рассказов из бывших еврейских местечек польско-украинско-белорусского пограничья) // Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych / Redakcja Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Joanna Szadura, Mirosław Szumiło, przy udziale Janusza Kłapcia. Lublin, 2014. S. 283–297.
- Белова 2015 – *Белова О. (Belova O.)* Утраченное соседство: образ еврейского местечка в воспоминаниях не евреев // Prace etnograficzne. 2015. T. 43. Z. 4. S. 259–270.

- Белова 2016 – *Белова О.* Этнокультурный стереотип: между нормой и антинормой // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2016. С. 7–21.
- Белова 2017 – *Белова О.* Быт и повседневность в рассказах жителей Глубокого // Глубокое: Память о еврейском местечке / Отв. ред. И. Копченова. М., 2017. С. 177–220.
- Белова, в печати – *Белова О.В.* Изофункциональность этнокультурного стереотипа (на примере народных рассказов о «кровавом навете») (в печати).
- Белова, Петрухин 2008 – *Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим, 2008.
- Гехт, Погодина 2017 – *Гехт М.Б., Погодина С.И.* О пейоративных высказываниях по отношению к «другому» (по материалам экспедиций в Латгалию) // Живая старина. 2017. № 2. С. 33–36.
- Добровольская 2004 – *Добровольская В.* «Свой» и «чужой» праздник в восприятии горожан (на примере совместного проживания русских и евреев) // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2004. С. 137–153.
- Добровольский 1914 – *Добровольский В.Н.* Смоленский образный словарь. Смоленск, 1914.
- Киреева 2007 – *Кирева Н.* Обращение к «чужому» праведнику в магических целях (на материале паломничества нееврейского населения к могилам еврейских праведников на Буковине) // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2007. С. 137–144.
- Львов 2008 – *Львов 2008 – Львов А.* Межэтнические отношения: угощение мацей и «кровавый навет» // Штетл ХХI век. Полевые исследования / Сост.: В.А. Дымшиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб., 2008. С. 65–82.
- Марковский 1895 – *Марковский М.* Бродячий анекдот в малорусской народной словесности // Киевская старина. 1895. Т. 51. № 12 (декабрь). С. 94–96.
- НБ – «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
- ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).
- Плач 1895 – «Плач на бедствия украинския» – старинное еврейское стихотворение // Киевская старина. 1895. Т. 51. № 10 (октябрь). С. 5–7.
- Руданський 2007 – *Руданський С.* Усі твори в одному томі / Передм. Г. Латника. Київ, 2007.
- С.Д. 1882 – *С.Д.* Сказки еврейского квартала Леопольда Комперта // Восход. 1882. Кн. 9–10. С. 222–233.
- Сержпутоўскі 1930 – *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны беларусаў-паляшукі. Менск, 1930.
- Смирнов 1988 – *Смирнов Ю.И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы. М., 1988.

- СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.
- УНК 13/2 – Українські народні казки. Т. 13: Казкі Покуття. Ч. 2 / Записав, упорядкував і літературно опрацював Микола Зінчук. Тернопіль, 2005 (<http://proridne.org/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D1%96%20%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%96%20%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BA%D0%B8/%D0%93%D0%BE%D1%80%D1%89%D0%BE%D0%BA%20%D0%B7%20%D0%B3%D1%80%D1%96%D1%88%D0%BC%D0%B8.html>).
- УНВ 14/1 – Українські народні казки. Т. 14: Казкі Бойківщини. Ч. 1 / Записав, упорядкував і літературно опрацював Микола Зінчук. Тернопіль, 2006 (<http://proridne.org/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D1%96%20%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%96%20%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BA%D0%B8/%D0%86%D0%B2%D0%B0%D0%BD%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%8F%D0%B9%D1%86%D1%8F%D1%85.html>).
- УНВ 27 – Українські народні казки. Т. 27: Казкі Поділля / Записав, упорядкував і літературно опрацював Микола Зінчук. Чернівці, 2009.
- Чикаленко 1896 – Чикаленко Е. Лирнык Василий Мороз // Киевская старина. 1896. Т. 52. № 3 (март). С. 79–87.
- Чубинский 1878 – Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. 2: Малорусские сказки. СПб., 1878.
- ATU – Uther H.-J. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Part 1: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and realistic Tales, with an Introduction; Part 2: Tales of the Stupid Ogre, Anecdotes and Jokes, and Formula Tales; Part 3: Appendices. Helsinki, 2004 (FFC. N 284, 285, 286).
- Dlaczego wąż... 2015 – Dlaczego wąż nie ma nóg? Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych / Red. J. Bartmiński, O. Kielak, S. Niebrzegowska-Bartmińska. Lublin, 2015.
- Federowski 1903 – Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. T. 3. Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Cz. 2. Tradycje historyczno-miejscowe oraz powieści obyczajowo-moralne. Kraków, 1903.
- Kosiński 1904 – Kosiński Wł. Materiały etnograficzne zebrane w różnych okolicach Galicyi zachodniej // MAAE. 1904. T. 7. Cz. 2. S. 3–86.
- Kubiak 1979 – Kubiak K. Wyróżniki obcości w bajce białoruskiej. Cechy boskie i diabelskie «swego» i «obcego» // Etnografia Polska. 1979. T. 23. Z. 2. S. 185–193.
- Siemieński 1845 – Siemieński L. Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie. Poznań, 1845.
- TN UMCS – Полевые материалы лаборатории «Archivum Etnolingwistyczne» Университета им. Марии Кюри-Склодовой в Люблине (Польша).
- Weryha 1889 – Weryha W. Podania białoruskie. Lwów, 1889.

Olga Belova
(Moscow)

**Contacts and conflicts
in oral narratives and folklore texts**

Since almost all of everyday life is made up of contacts and conflicts, when we dealing with the the analysis of specific practices and rituals, some questions inevitably arise – what is considered the norm for the neighborhood and what is an anomaly? cooperation or competition rules in the coexistence within multicultural and multiethnic society? rapport or conflict dominates the ethno-confessional dialogue? The aim of this publication is to review the “contacts” and “conflicts” reflected in folklore texts and oral narratives, and to determine the nature of situations in which these opposite trends of ethno-cultural relations manifest themselves most vivid and clearly.